

ЖИЗНЬ НАСТАЛА СВЕТЛАЯ, СОВЕТСКАЯ!

8 февраля был самым лучшим днем.
Мы снова трудимся и радостно живем!

ПОМОГАЕМ ГОСУДАРСТВУ

ГОД ОСВОБОЖДЕННОГО ГОРОДА

У меня фашистские захватчики угнали на каторгу в Германию дочь, а нашу семью всю выгнали из дома и сказали: идите на снег. Пять месяцев мы жили в чужом доме. Дети другой раз плачут, а немцы говорят: выкиньте их на снег. Надя, девочка 5 лет, говорила: мама уйдем куда-нибудь, я боюсь этих немцев. Дедушка 60 лет, большого, выгнали на работу и били по спине палкой. Хлеба не давали, ходили в деревню менять последнюю одежду. Все сбродилось, думали, что умрем. Сейчас при советской власти мы живем зажиточно, все работаем, помогаем государству. У нас сейчас живет один красноармеец, инвалид, его город еще оккупирован. Мы его кормим, как своего сына.

Маяя Денисовна ЕНЮТИНА.

Когда пришли немцы, я была в деревне и ходила их встречать. Ухаживала за ранеными, кормила их, шила. Пошла в Курск и помогла строить оборону, а сейчас помогаю проводить трамвайную линию и никогда не устаю.

Е. Ф. БУДНИКОВА.

АПРЕЛЬ. Фронт близко! Враг еще сидит — он снова проталкивает кровавые лапы к Курску. Враг не пройдет! Весь город вышел помогать своей Красной Армии — строить оборонные укрепления.

Благодарим!

При авиации кровопролитных мы были брошены, забиты. У меня трое детей. Я жила в деревне близко от фронта. Нас согнали в одну избу 25 человек, и мы жили там, как скотины в бочке. Есть было ничего — все забрали немцы. Мы только сидели на одном бурке, а немцы смеялись: «русские-коровы, ест бурка». А мы его сели со слезами. Дети болели, помощи не было никакой. Пришла весна, дочка пожелала цветы клещевника, а я провела и слезами заливала, где наша советская власть делалась! И боялись мы, что будем вечными рабами. Освободила нас Красная Армия, и я сейчас чувствую себя свободной. Я домохозяйка, но я на активной работе. Завелую красным угольником и инспектор санитарного участка. Спасибо нашей Красной Армии. Мы все-таки стараемся отблагодарить ее.

П. А. ПЛОТНИКОВА.

Спасибо, дорогие деточки!

Дорогие деточки! Спасибо за освобождение Курска. При немцах мы жили, как в подземелье, ни сказать ничего, ни пойти куда-нибудь. Забрали все, что у нас было, последние куртки, пальто. После освобождения Курска я живу хорошо. Поблизости, где мы жили, за нами, и отсюда, что фронт. Жалко быстрее разгромить врага и вернуться к своим семьям.

Василия Никитична СЕДЫХ, 50 лет.

ОЧЕНЬ ДОВОЛЕН

Большой голод пережили мы при немцах. Дочка Анна, 27 лет, ходила добывать хлеб, ее немцы убили. Дочка Клава, 18 лет, закончила 9 классов. Ее угнали в Германию. Очень доволен я был, когда Красная Армия нас освободила. Мне 63 года, но я не чувствую перемены благополучия, потому что жизнь-то настала снова наша, советская. Моя жена Екатерина Петровна помогает Красной Армии — стирает белье, а я даже на воскресники хожу. С радостью пускаю красноармейцев ночевать и всегда их накормлю и напою, как своих детей.

Алексей Фомич ГНЕЗДЧЛОВ.

О нас заботится Как за своими детьми

Я хочу написать благодарности ко всем освободителям нашего родного города Курска бойцам и офицерам. Фашисты угнали у меня за 15 месяцев больше, чем я потеряла за 36 лет. Эти слезы забрала у меня всю обстановку, корову и выгнали из дома. Мой муж погиб, но я знаю, что он честно погиб за свою родину, и мои дети могут учиться и не беспокоиться нас правительством.

Анна Степановна РЕШЕТНИКОВА.

В ногу с передовой молодежью

2 ноября 1941 года. Этого дня я никогда не забуду. Пасмурный день. В городе шум немцев машин. На стенах появились плакаты. Вот один из них: «Гитлер-освободитель». Прокришу мимо, отвращаясь голову и думаю: «Освободитель? Да от чего же он освободитель? От карманов и жидов?» Почти на всех дверях плакаты: «Только для германских солдат». И действительно! Ресторан для немцев, кино для немцев, театр для немцев, магазины, почта, вокзал — все для немцев. А что же для русских? Ров в Щетинке — там зарывали расстрелянных.

19 мая 1942 года. В этот чудный, весенний день не так, как всегда светит солнце. В этот день отправляли на каторжные работы всех девушек с нашей улицы; сколько-нибудь похитивших родительский дом, а возможно и на перед. В этот день уезжала моя сестра. Как тяжело было расставаться. Студентка второго курса института — и каторга... Их отправили в г. Бремен. От нее мы получили два письма, полные ненависти к захватному врагу. Но только уехала сестра, принесли повестку мне. Что же делать? Неужели тоже ехать? Нет, никогда. Перед тем, как идти на комиссию, я вышла крепкого чаю. Минутный порок сердца. Я осталась дома. Но на этом дело не кончилось. Меня забирают работать на дорогу, быть кирпичи. Но работать на своих врагов я решила не ходить. Пришлось повестку на суд и на месяц сажать в тюрьму.

8 февраля 1943 года. Ярко светит солнце. Да, теперь оно светит открыто и согревает своими лучами нас, курян, снова вошедших в родной великий советский город.

А какое у всех радостное настроение. Сколько на улицах народа! Все встречают наших дорогих защитников; целуют и обнимают бойцов. Я пошла в госпиталь.

Но мне казалось, что я мало помогаю фронту, и я пошла на станцию переливания крови. Стала дозором. Первый раз я сдала 250 граммов крови, но мне это показалось мало. Я стала сдавать по 500 граммов. Сейчас я уже сдала пять с половиной литров, но чувствую себя здоровой и удовлетворенной, ибо и я участвую в разгроме ненавистного врага. Но на этом я не останавливаюсь. Наша советская власть по имени... Разве это не героизм, помогла мне снова дерзнуть на сравнимый только пожалуй с героическими руками восстановили свою школу.

Я вступила в ряды ВЛКСМ, чтобы быть в числе передовой молодежи.

Т. ИВАНОВА,

ученица 9 класса, Курской школы № 3.

МАЙ—ИЮНЬ. Снова злобные завывания сирен! Воздушная тревога! Враг ослеплен и охвачен яростью на Курск с воздуха, он пытается разрушить железнодорожный узел, вызвать панику в городе. На снимке: горит Кировский поселок, на тихие улицы которого и день 2 июня излучало большинство бомб. Но крепка защита. Готовы к бою наши истребители, настроены расчеты зенитных орудий. Битва в воздухе проиграна врагом уже в первые дни. Во время самого сильного налета — 2 июня — 168 самолетов со свастикой обити нашей славной авиацией и зенитчиками.

Нанануне праздники редакция провела анкету. Вопросы были заданы учащимся 4 и 9 классов 3-й женской и 4-й мужской средних школ, учителям школ № 6 и № 7, врачам областной больницы, домохозяйкам ул. Орджоникидзе.

Мы спрашивали: что пережили вы при немцах, как живете сейчас, чем благодарите Красную Армию.

Пишут дети. Они признаются свои ответы воинам Красной Армии — любимым адрес нашим ребятам. После немецкой оккупации душа ребенка осталась чистой и незапятнанной. Немцам ли было переосмыслить наших ребят, если любовь и русскому, советскому они впитали с молоком матери? Устами младенцев глаголет истина. В мире много документов, изобличающих людоедов-немцев, но что может быть сильнее вот этих писем и рассказов детей. Каждое слово — приговор мучителям.

Пишут домохозяйки. Они пережили и смерть близких, и унижения, и нужду, и голод родных детей. Они полны ненависти к врагу. Но от горя не очерствели сердца. Сколько в этих, иногда нелепых строках искренней чистой любви к Сталину, к Родине, к Армии. Вот откуда берутся у наших женщин силы! На большие дела подняло их чувство любви к родине.

Пишут интеллигенты. Прислушайтесь к голосу тех, кто покаялся от всего чувствовал и больше переживал кошмарный немецкий гнет, унижающий душу человека. Интеллигенты свидетельствуют, какая глубочайшая пропасть лежит между советской жизнью и немецким «новым порядком».

Народное слово, сердечное, взволнованное, убеждающее примерами из жизни, покоряющее глубиной мысли, сегодня снова свидетельствует об изумительных свойствах души советского человека. Слава ему, умеющему так любить, так ненавидеть, так действовать во имя Родины!

МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ

Дети мои, радость моя! Моей Лизе было только 18 лет. Она еще училась. Она готовилась поступить во флот. Моего Колю в его молодые годы ставили в дело в пример, как тожар-стахановца.

Они оба были комсомольцы, они только начинали жить. Во время немецкой оккупации они пошли в деревню за буряками — это была наша пища. Немцы схватили их на дороге.

— Партизаны?

Мне вернули в полицию их документы. Предатель-староста равнодушно объяснил:

— Не жди, их расстреляли.

Немцы пришли в мой дом, как хозяева, а меня заставляли работать на них, как раба. Они били меня, старую мать, когда у меня слабели руки от работы. Мы ходили на бойню — искать пищу в отбросах, а они стаскивали нас в яму с вонючими отбросами, фотографировали и хохотали.

Мы голодали, а они обжирались на наших глазах и издевались над нами. Я помню... Голодными глазами смотрел ребенок, мой внук, как один из них намазывал хлеб маслом. Он увидел ребенка, помянул в себе. А когда ребенок подошел, протянул рученку — он ударил его по голове и захохотал.

Люди ли это? Так не могут думать люди!

По это было еще не все горе, что они мне принесли. У меня оставалась еще дочь, Поля. Они отняли у меня и ее — угнали на каторгу в проклятую Германию.

Я стояла и смотрела, как они увозили мою Полю, видела и слышала, как она кричала из вагона:

— Прощайте, мама!

Я написала другому моему сыну, Ивану, в армию, что сделали враги с его братом и сестрами. Сын ответил мне:

— Я уже был три раза ранен, мама. Но я не пожалел крови, буду бесстрашно мстить врагу. И я благодарю его на это святое дело.

Варвара МАЛЫЦЕВА, домохозяйка, г. Курск.

СЛАВА НАШЕЙ АРМИИ

Самое страшное и унижающее во время немецкой оккупации было для меня — потеря отечества, национальной независимости, политическое, моральное и экономическое рабство, нависшая бесперспективность и, так сказать, «животность» существования.

Самое страшное заключалось не в том, что я был арестован и меня вместе с другими советскими людьми, как скот, гнали по улице, что я подвергался унижающему обыску, что у меня были грубо отняты любимые часы и другие вещи, что мне угрожала расправа, и даже не в том, что я с несколькими сотнями советских граждан был заключен в заминированный дом (Держинского, 43) и провел там 30 часов, сидя на минах. Нет. Самое страшное — избиение советских людей. Когда убивают — страшно. Когда бьют — возмущительно, оскорбительно, унижающе. Мы, советские люди, не привыкли к подобному обращению с человеком.

Слава Красной Армии, избавившей нас от этих мук.

Труд подневольному, по принуждению, вызванному страхом перед голодной смертью, каким он был при оккупантах, народ, выбравшийся из тисков немецких захватчиков, противопоставил свободный труд, полный творческой радости и энтузиазма. Это было особенно видно в больнице по той радости и оживлению, с которым и медицинские сестры, санитарки, врачи и даже больные таскались на себе кровати, шкафы и прочую мебель, чтобы быстрее восстановить больницу. Все это — оживление и свободный обмен мнениями — были так не похожи на только что пережитое, когда разрешалось слушать, но не говорить. Я сам стал работать в несколько раз больше и напористей. Психической депрессии, как не бывало, я стал быстро прибавлять в весе. Я воспрянул духом и принялся восстанавливать отделение в больнице и свой дом вернее и надолго. Жизнь стала полной, богатой перспективами. А. ФЕДотов, зав. ушным отделением областной больницы, врач.

Курская женщина

9 февраля 1943 года утром, когда по улице Ленина проходила сталинская бригада, штурмовавшая город, тысячи курянок со слезами встречали ее, обнимали бойцов, клали им в руки подарки, звали их к себе в дом отогреться, поговорить. Старушки в сухих и горячих объятиях сжимали плечи бойцов и подолгу смотрели им в глаза, смотрели и не насыщались. Какие это были взволнованные, радостные дни!

А потом мы разошлись по домам, вернулись на предприятия, в учреждения и началась большая сознательная работа.

Тысячи бойцов спасены от смерти кровью курской женщины. Величайший патристический долг спасти жизнь раненого — курская женщина выполняла с честью. Боец Иванов писал из госпиталя в «Курскую правду»: «Дорогая редакция, если бы ты смогла написать такое хорошее письмо женщинам-донорам Курска, чтобы в нем сразу выражены и злит и мою большую, вечную благодарность им, и мои слезы от счастья, что я снова живу, и мою чистую любовь к ним, ко всем этим Аннам, Ватим, Верам, дорогим сердцем моим...» Разве это не героизм, помогла мне снова дерзнуть на сравнимый только пожалуй с героическими руками восстановили свою школу.

Я вступила в ряды ВЛКСМ, чтобы быть в числе передовой молодежи.

Т. ИВАНОВА,

ученица 9 класса, Курской школы № 3.

ГОД ОСВОБОЖДЕННОГО ГОРОДА

Нам немец учиться и жить не дадут,
Спасибо боец, что ты немца прогнал!

ГОД ОСВОБОЖДЕННОГО ГОРОДА

Советская власть стала меня кормить

АПРЕЛЬ. Жители Курска никогда не забудут Солынку, не забудут Щетинку. Больше тысячи трупов убитых, замученных немцами людей было отброшено в могилы.

Я ученица 1 класса. Мне 10 лет. Мне уже сидеть в 3 классе, но под немецким гнетом не было возможности учиться. Немцы меня заставляли воду носить или машину чистить и били палкой. Я просил у них кусок хлеба, они мне не дали, а начали бить. Мама вступилась за меня, они хотели маму повесить за меня, но мама пряталась в погребе три с половиной дня, не выйдя. Мы тоже сидели в погребе, все ожидали маму. Дождались и очень обрадовались. Я ей сказала: будем ждать своих и папу и раскажем, как над нами издевались. Когда пришли немцы, я очень обрадовалась. Но папа погиб за советскую родину, и я плакала, что стал сиротой и останусь недоученной. Но благодаря тому, что советская власть стала мне помогать и кормить, учусь я в 1 классе. Сейчас у нас в доме красный уголок и я помогаю его оборудовать.

Алза ГРЕШИЛОВА.

Пришла наша мама

В 1941 году моя мама ушла на фронт. Мы — трое детей, бабушка и больная отец остались в Курске. Пришли немцы, и наступили темные дни. Немцы забрали у нас ценные вещи. Когда мы выжили в деревню, он пошел в деревню за хлебом. Немцы поймали его и посадили

в тюрьму. Моя бабушка умерла от голода. Мы не учились, потому что немцы сожгли наши книги. Теперь, когда наш Курск освободился, доблестные воины, сразу все ожило. Пришла и наша мама. Она была на фронте телеграфисткой. Нам дали хорошую светлую комнату. Советская власть дала средства, чтобы жить и учиться. Сейчас я учусь. Отметка у меня отличная. До свидания, товарищи! Прощайте немца с нашей земли и возвращайте домой! КРАСНИКОВА ЛЮБА.

Немцы сожгли квартиру, советская власть дала новую

2 ноября пришли немцы в Курск. На другой день забрали первых попавшихся десять мужчин и расстреляли их. Маму мою арестовали за то, что она дала людям читать листовки. Сожгли квартиру и все вещи. Нам пришлось кушать картофельные шкурки. Я не училась потому, что не было школ. 2 февраля немцы забрали у нас все, что было в доме, и мы переехали в новую квартиру. 8 февраля Курск освободила Красная Армия. Нам дали квартиру, и я сейчас учусь в школе. Там же и бойцы! Жалко вам скорой победы и вернуться домой живыми и здоровыми. ГЛАДКОВА Алла.

А папу расстреляли

До прихода немцев мы жили хорошо. Но 22 июня 1941 года фашисты ворвались в наш город. Наступили черные дни. Сестра моя отступила со штабом отступающих, а потом вступила в Красную Армию и была награждена орденом Красного Знамени. Вступила в партию. Папу моего немцы расстреляли. Брат, 15 лет, насильно угнали в Германию. Остались мы — мама, я и еще брат, 18 лет, большой. 8 февраля 1943 года Красная Армия освободила нас и вместе с черными днями наступили радостные дни. Прощайте сестра в отпуске. Брат мой выдворен и сейчас учится на командира орудия. Я общаюсь с Красной Армией учиться, чтобы не было никаких отступков и дисциплины, чтобы была только отличная. КОЛУПАЕВ Валерий.

Стало жить хорошо

Немцы забрали моего брата в Германию. У нас жил один друг, он меня заставлял читать сапоги. Если они были плохо вычищены, он меня бил. В деревню у моей тети забрали корову и чуть не убили моего лая за то, что лаяла удержала немца по боку. Но когда пришли наши солдаты, немцы не стали жить хорошо. Открылись школы и мы учимся. ФЕОКТИСТОВ Виктор.

Саму школу реконструировали

Немцы забрали моего брата в Германию. У нас жил один друг, он меня заставлял читать сапоги. Если они были плохо вычищены, он меня бил. В деревню у моей тети забрали корову и чуть не убили моего лая за то, что лаяла удержала немца по боку. Но когда пришли наши солдаты, немцы не стали жить хорошо. Открылись школы и мы учимся. ФЕОКТИСТОВ Виктор.

Вернулась к любимому делу

Все пережитое за 15 месяцев оккупации кажется каким-то кошмарным сном. Человеческая душа была оплевана. Помню — в мае ходит домой рано утром и находит 1942 г. в наш дом грубо ввалились в развалинах дома труп ребенка, немцы и обыватели: «В течение 2 что бы сделала на ее месте другая часов весь дом должен быть освобожден, рожденная из другого по-боден, выберите кто куда хо-лушари, не переживайте таких чех. Если в этот срок не уложи-испытаний, которые выпали на до-тесть, будете биты плетью». И вот Россия? Она бы вышла из строя началось выселение. Хорошо еще, рабочих людей и опустела руки. А что было лето, все выселенные си-эта — похоронил дорогие дети, на доли на дворе, как погорельцы, с другой день снова еще яростнее ко-маленькими детьми под дождем.

Рядом с нами помещалось здание школы, оно загорелось от немецкой школы, но варвары и не подумали божиться Курска, тебя, курская его тушить, вынести только свои вещи и рюкзак. Задание горит, а главную силу, которая не только немец сидит, играет на роле бра-хранить его от порабощения, но и При немцах люди умственного как силу, которая помогла вдохнуть грудь не могли найти себе работы, жизнь в предприятия, учреждения. Почти все педагоги занимались п-школы, больницы, наладить всю жизнь нашего города.

А. ВАСИЛЬЕВ, граммов хлеба. Зарплату не получа-

Много учителей занимали должности уборщиц, дворников и т. п.

Будущий уборщицей, мне приходится работать столько времени, сколько немец захочет, и делать все, что ему придет на ум, вылить до чистки сапог. По своей русской привычке — высказывать свое мнение вслух, я указала своему «хозяину» на несправедливость. На это мне ответили бурей ругательства, толчком ног и пинками.

Бто не был в оккупации, тот не поймет всей той радости, которую испытывали мы, когда пришла наша родная Красная Армия. День 8 февраля останется памятным в мою жизнь. Еще не затухли в городе пожары, слышались выстрелы, а народ шел по улицам со слезами радости и счастья на глазах. Он шел навстречу обстреленным, уставшим, но гордым сознанием освободителей, красным бойцам. Парочка собралась много, кто кричал «ура», кто здоровался с бойцами, кто плакал. Настал конец всем мучениям, унижениям, пришла своя власть. Хотелось прыгать, кричать на весь мир об этой радости, деловать всех бойцов.

До сих пор, когда я в кино смотрю журнал и там показывают освобождение Красной Армией каких-нибудь городов или населенных пунктов, и невольно плачу, вспоминая пережитое.

С первых дней прихода наших в работу в госпитале. Хотелось в первую очередь чем-то реально помочь именно им, бойцам. Потом потянуло в школу, и я вернулась на свое любимое дело.

С. Б. ТАТАРЕНКОВА,

военрук средней женской школы № 7.